

Бердникова Татьяна Владимировна

К ПРОБЛЕМЕ ОБРАЩЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТА ОСЛОЖНЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕГИЙ К. Н. БАТЮШКОВА "К ТАССУ" И "УМИРАЮЩИЙ ТАСС")

Статья посвящена изучению обращения как компонента диалога и как элемента осложнения в поэтическом тексте. Обращение рассматривается в разных аспектах: синтаксическом, коммуникативном, функциональном. Материалом исследования выступают элегии К. Н. Батюшкова. В статье представлен анализ диалога истинного и мнимого, определяются их черты. Анализу подвергаются формы выражения обращения. В результате выявляется специфика обращения в поэзии К. Н. Батюшкова: обращение выступает не только как структурный компонент диалога, но и как осложняющий элемент в поэтическом тексте, и служит показателем смены речевых планов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 32-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

“ARGO” LANGUAGE AS NATIONAL STEREOTYPE OF PERSONAGES’ SPEECH CHARACTERISTICS IN FICTION NOVELS “MYSTERIES OF PARIS” BY E. SUE AND “PETERSBURG SLUMS” BY V. KRESTOVSKII

Bezrukova Vera Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Voronezh State Pedagogical University
verabeze@yandex.ru

The author defines more exact the notion “speech description of personage”, which is the most important stylistic element of the considered fiction works and one of the method of hero’s integral image creation; and tells that speech description reveals the psychological, behavioural, social, language and other aspects of personage’s personality.

Key words and phrases: national speech portrait; argotic expressions; hidden meaning; author’s intention.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья посвящена изучению обращения как компонента диалога и как элемента осложнения в поэтическом тексте. Обращение рассматривается в разных аспектах: синтаксическом, коммуникативном, функциональном. Материалом исследования выступают элегии К. Н. Батюшкова. В статье представлен анализ диалога истинного и мнимого, определяются их черты. Анализу подвергаются формы выражения обращения. В результате выявляется специфика обращения в поэзии К. Н. Батюшкова: обращение выступает не только как структурный компонент диалога, но и как осложняющий элемент в поэтическом тексте, и служит показателем смены речевых планов.

Ключевые слова и фразы: обращение; лирика; диалог; адресат; адресант.

Бердникова Татьяна Владимировна, к. филол. н.

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
syntax2@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ ОБРАЩЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТА ОСЛОЖНЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕГИЙ К. Н. БАТЮШКОВА «К ТАССУ» И «УМИРАЮЩИЙ ТАСС»)[©]

В творчестве К. Н. Батюшкова ведущее место занимают элегии, посвященные поэту Т. Тассо, – «К Тассу» и «Умирающий Тасс». По мнению исследователей, последняя явилась концептуальным произведением для всего творчества поэта, отражающим его мировоззрение. Изучение этих элегий в диалогическом аспекте представляется актуальным, поскольку комплексное исследование текстов элегий в данном аспекте не проводилось. Целью исследования является рассмотрение обращения как компонента диалога и как элемента осложнения текста элегий К. Н. Батюшкова «К Тассу» и «Умирающий Тасс».

О поэзии Батюшкова невозможно говорить без обращения к понятию «легкая поэзия». «Легкая поэзия» предусматривала гармонию, «именно “вкус” лежал в основе батюшковской <...> поэзии “гармонической точности”, с ее обостренным вниманием к тончайшим семантическим сдвигам» [4, с. 296]. Батюшков отмечал такие особенности поэтического слога, как «движение, силу, ясность». Именно эти принципы и легли в основу поэзии Батюшкова. Как отмечает И. Б. Александрова, «он создал особый, “легкий” поэтический язык, показав и в теоретических сочинениях, и в поэтической практике достоинства нового слога. Он воплотил в теоретическом и поэтическом творчестве языковые тенденции классицизма, сентиментализма, романтизма» [1, с. 114].

Особое место в поэтическом строе языка К. Н. Батюшкова занимают элементы осложнения, одним из которых является обращение. Обращение представляет собой многофункционально-синтаксическое явление [8]. В любой коммуникативной ситуации обращение выражает отношение к адресату. «Момент обращенности речи – сам по себе формальный, внешний, почти технический – становится фактором, определяющим смысл и даже ценность поэтического произведения» [5]. Как элемент, характеризующий адресата, обращение представлено и в поэтической речи. Обращение в такой функции реализуется в поэзии конца XVIII века, когда развивается категория осложнения в системе художественного текста. «Главенство субъективного начала, смысловая насыщенность и коммуникативная неодноплановость, “повышенные” признаковость и диалогичность – эти свойства поэтической формы также обуславливают активность персуазивно-оценочных, авторизирующих, интимизирующих элементов высказывания, усложняющих его модально-предикативную структуру» [6, с. 28].

Обращение как элемент осложнения структуры поэтического текста имеет место в т.н. истинном, мнимом диалоге. Истинный диалог имитирует живую диалогическую речь, для него характерны обращения к одушевленному субъекту. Мнимый диалог возникает между лирическим субъектом и неодушевленным предметом или явлением [3].

Так, в элегии «К Тассу» представлен мнимый диалог лирического субъекта с тенью, таким образом, разворачивается мнимый диалог: *Позволь, священна тень, безвестному певцу/ Коснуться к твоему бессмертному венцу/ И сладость пения твоей авзонской музыки,/ Достойной берегов прозрачной Аретузы./ Рукою слабою на лире повторить/ И новым языком с тобою говорить!* [2]. В тексте элегии противопоставлены лирический субъект, по отношению к которому употребляется эпитет *безвестный*, и *священна тень*, обладающая бессмертием. С начала элегии лирический герой устанавливает контакт с тенью, предваряет будущий разговор (*Рукою слабою на лире повторить/ И новым языком с тобою говорить!* [Там же]). В пределах одной элегии мнимый диалог сменяется истинным диалогом: адресатом выступает Тасс: *Река забвения и пламенный Коцит/ Тебя с любовницей, о Тасс, не разлучили!* [Там же]. Обращение, выраженное собственным именем (*о Тасс*) сменяется личным местоимением 2 л. ед.ч. (*Ты*), что придает интимизацию повествованию, сближает лирического героя с адресатом: *Ты пел, и весь Парнас в восторге пробудился,/ В Феррару с музами Феб юный испустился,/ Назонову тебе он лиру сам вручил,/ И гений крыльями бессмертья осенил!* [Там же]. В элегии «К Тассу» в одном контексте совмещается обращение, выраженное именем собственным (и нарицательным) и личным местоимением 2 л. ед.ч.: *Что ж было для тебя наградою, Торкват./ За песни стройные? Зоиллов острый яд./ Притворная хвала и ласки царедворцев,/ Отрава для души и самых стихотворцев <...>; Нет более тебя, божественный поэт! Но славы Тассовой исполнен веки свет!* [Там же]. Обращение выражено и именем прилагательным: *Так кончились твои, бессмертный, дни печальны!* [Там же].

Помимо обращений к Тассу, в элегии представлены обращения к неодушевленным явлениям, чаще мистическим (*О милосердны боги!/ Доколе жертвою, невинность, будешь ты/Бесчестной зависти и адской клеветы?!* [Там же]). Кроме того, лирический герой обращается и к людям, виновным в гибели поэта: *О вы, которых яд/ Торквату дал вкусить мучений лютых ад,/ Придите зрелищем достойным веселиться/ И гибелью его таланта насладиться!/ Придите!* [Там же].

Таким образом, в элегии «К Тассу» представлена смена адресата (одушевленного и неодушевленного), вследствие этого меняется и тип диалога: истинный и мнимый.

В элегии «Умиряющий Тасс», как и в элегии «К Тассу», обращение к Тассу выражено личным местоимением 2 л. ед.ч. (*Ты*) в сочетании с номинацией *божественный певец, певец Ерусалима: Кому триумф? — Тебе, божественный певец!/ Тебе сей дар... певец Ерусалима!/ И шум веселия достиг до кельи той,/ Где борется с кончиною Торквато <...>* [Там же].

В текст элегии включается реплика, не принадлежащая лирическому герою: *Он, с жизнью прощаясь, восклицает:/ «Друзья, о, дайте мне взглянуть на пышный Рим,/ Где ждет певца безвременно кладбище!/ Да встречу взорами холмы твои и дым,/ О древнее квиритов пепелище!/ Земля священная героев и чудес!/ Развалины и прах красноречивый!* [Там же]. Эта реплика открывает монолог Тасса, его рассказ о своей жизни, его «лирическую исповедь» [9]. Включение реплики персонажа в стихотворный текст воспринималось как новаторство. Об этом пишет И. А. Плетнев: «По нашему мнению, самая смелая родилась мысль у Автора при составлении сего сочинения, когда он в Лирическом стихотворении заставил вместо себя говорить самого Тасса. Он отважился быть на время тем лицом, которое прежде только описывал» [7].

Монологическая форма в сочетании с обращением лирического героя к Тассу образует диалогическое пространство, поскольку происходит взаимодействие речевых планов, смена речевых субъектов.

В реплике Тассо представлены обращения к лицу (при имитации истинного диалога) и предмету (при мнимом диалоге). Среди обращений к лицу можно выделить такие, как обращение к друзьям: *Друзья! но что мою стесняет страшно грудь?/ Что сердце так и ноет, и трепещет?/ Откуда я? какой прошел ужасный путь,/ И что за мной еще во мраке блещет?!* [2]; обращения, обозначенные именем собственным в сочетании с личным местоимением 2 л. ед.ч. (*Ты*): *Он вопрошал тебя, мятущийся Кедрон,/ Вас, мирные убежища Ливана!/ Пред ним воскресли вы, герои древних дней,/ В величии и в блеске грозной славы:/ Он зрел тебя, Готфред, владыка, вождь царей,/ Под свистом стрел спокойный, величавый;/ Тебя, младый Ринальд, кипящий, как Ахилл,/ В любви, в войне счастливый победитель!* [Там же].

Реплики Тассо перемежаются с речью лирического героя, который выступает в качестве повествователя.

Обращение в речи Тассо выражено и глаголом в форме повелительного наклонения: *Как праведник, с надеждой и отрадой./ «Смотрите, — он сказал рыдающим друзьям, — Как царь светил на западе пылает!/ Он, он зовет меня к безоблачным странам,/ Где вечное светило засияет.../ Уж ангел предо мной, вожатый оных мест;/ Он осенил меня лазурными крылами.../ Приблизьте знак любви, сей таинственный крест.../ Молитесь с надеждой и слезами.../ Земное гибнет всё... и слава, и венец...!* [Там же].

В текст элегии включается реплика, выражающая мнение народа Рима: *«Погиб Торквато наш! — воскликнул с плачем Рим, — Погиб певец, достойный лучшей доли!»* [Там же]. Метонимический перенос, олицетворение города, плачущего о смерти поэта, передает всеобщую скорбь, ощущение потери великого поэта.

В элегии «Умиряющий Тасс» представлены несколько речевых планов: план лирического героя (рассказчика), план поэта Тасса, план народа города Рима. Такое построение сближает элегию с драматургической формой.

Таким образом, обращение выступает не только структурным компонентом диалога, но и осложняющим элементом в поэтическом тексте: оно служит показателем смены речевых планов. В элегиях К. Н. Батюшкова представлены обращения к лицу и к предмету, которые обуславливают характер диалога: истинный и мнимый. Элегия «Умиряющий Тасс» по построению и коммуникативной направленности сближается с драматургическим текстом. Однако стремление выразить чувства персонажа, а не передать действия указывает на лирический характер текста.

Список литературы

1. **Александрова И. Б.** Поэтическая речь XVIII века: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2005. 368 с.
2. **Батюшков К. Н.** Полное собрание стихотворений. М.: Сов. писатель, 1964. 353 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/batyush/default.asp?feb/batyush/texts/rub.html> (дата обращения: 15.01.2013).
3. **Бердникова Т. В.** Диалог в поэтическом тексте как проявление идиостиля (на материале лирики А. А. Ахматовой и И. Ф. Анненского): дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 222 с.
4. **Вацуро В. Э.** Литературное движение начала XIX века. Карамзин. Жуковский. Батюшков // История всемирной литературы: в 9-ти т. М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 292-303.
5. **Гин И. Я.** Из «поэзии грамматики» у Мандельштама: проблема обращенности // Гин И. Я. Проблемы поэтики грамматических категорий. Избр. Раб. СПб., 1996. С. 95-108.
6. **Патроева Н. В.** Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 334 с.
7. **Плетнев И. А.** Разбор элегии Батюшкова «Умиравший Тасс» // Журнал изящных искусств. СПб., 1825. Кн. 3. С. 210-227.
8. **Сейтжанов Ж. Е.** Обращение как многофункциональное и разностатусное синтаксическое явление // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 3. С. 140-142.
9. **Серман И. З.** Поэзия Батюшкова // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Серия «Филол. науки». 1939. № 46. Вып. 3. С. 229-283.

**TO PROBLEM OF ADDRESS AS COMPLICATION ELEMENT IN POETIC TEXT
(BY THE MATERIAL OF ELEGIES “FOR TASS” AND “DYING TASS” BY K. N. BATYUSHKOV)**

Berdnikova Tat'yana Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii
sintax2@yandex.ru

The author studies address as a component of dialogue and as an element of complication in poetic text, considers address in different aspects: syntactical, communicative, functional; uses elegies by K. N. Batyushkov as the material for the research, presents the analysis of real and imaginary dialogue, determines their features, analyzes the forms of address expression, and as a result reveals the specificity of address in poetry of K. N. Batyushkov: address is not only the structural component of dialogue, but also a complicating element in poetic text, and the indicator of change in speech aspects.

Key words and phrases: address; lyrics; dialogue; recipient; addresser.

УДК 811.161.1'282

Филологические науки

В статье рассматриваются основания применения количественных методов для изучения языкового идиома, оценивается эвристическая значимость частотных данных, анализируется характер сведений о языковом идиоме, которые могут быть получены в ходе его квантитативного анализа. Кроме того, сделаны выводы о характерных особенностях языковой картины мира, запечатленной отдельным идиомом.

Ключевые слова и фразы: диалект; количественные методы; языковой идиом; квантитативный анализ; частота.

Буранова Анна Игоревна

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
aburanova@list.ru

**ПРИМЕНЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ ДЛЯ АНАЛИЗА ЯЗЫКОВОГО ИДИОМА
(НА ПРИМЕРЕ ДИАЛЕКТНЫХ ТЕКСТОВ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)[©]**

Применение количественных методов объективно необходимо при изучении языка как структуры, элементы которой функционируют в речи и развиваются в соответствии с теми или иными законами. Диалекты являются одной из форм существования языка, которые входят в состав коммуникативной модели строения этнического языка в качестве полноценных компонентов [3]. Есть ряд свойств, которые отличают диалекты от языковых систем: открытость диалектных систем, зависимость от общеязыковой системы, вариантность внутренней структуры, большая проницаемость по сравнению с системой литературного языка. Данные особенности в большой степени определяют структурные свойства диалектов. Одним из способов выявления и описания характерных особенностей отдельных внутриязыковых идиомов является их квантитативное исследование, так как «между диалектом и языком имеется только количественное, но не качественное различие» [5, с. 228].

С помощью количественных методов возможно изучение диалекта на различных языковых уровнях, особенно важно учитывать количественные данные при анализе грамматических и лексических особенностей языкового идиома.